

САКРАЛЬНАЯ ТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ И ЕЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ РУССКОГО СЕВЕРА, УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Д.Д. Петров

Рассматривается отражение народной религии жителей Республики Коми в системе географических названий (природных объектов, населенных пунктов, а также мест, где остались следы пребывания древнего населения). Источниками материала послужили данные Государственного водного реестра РФ, топонимических словарей, перечней археологических памятников, полевых материалов автора. Полученная картина сопоставляется с сакральной топонимией соседних и родственных народов. На основе исследованного материала сделаны выводы о ряде аспектов верований коми-зырян.

Республика Коми, коми, топонимия, ономастика, святые места, народная религия, сакральная география.

Сакральная география является важной частью духовной культуры любого народа, ее исследование немыслимо без фиксации и анализа географических названий, маркирующих те или иные религиозно значимые объекты. Сакральных названий значительно меньше, чем тех, что отражают реалии природной среды, хозяйственной деятельности, повседневной социальной жизни и т.д. Такие названия составляют массив сакральной топонимии, которая при тщательном рассмотрении предоставляет внушительный объем информации о верованиях изучаемой этнической группы. Сакральная топонимия довольно давно привлекает к себе внимание как топонимистов, так и исследователей народной традиции и семиотики народной культуры. В.В. Иванов и В.Н. Топоров стремились почерпнуть из топонимического материала аргументацию для своей концепции основного славянского мифа [1976]. Б.А. Рыбаков выделял топонимию как один из источников сведений для реконструкции древнерусского язычества [1994, с. 372]. Эту мысль дополняет Т.Н. Дмитриева, считая, что топонимы, связанные с религиозно-мифологическими представлениями и нашедшие отражение в фольклоре, позволяют оценить огромную роль этих представлений в создании традиционной картины мира и организации топонимического пространства [2005, с. 413]. А.А. Иванова, В.Н. Калуцков и Л.В. Фадеева отмечают, что топонимы, маркирующие святые места, являются существенной составляющей морфологии исследуемых священных объектов [2009, с. 31]. Е.Л. Березович, анализируя отражение народной религии в северно-русской топонимии, считает возможным: «1) выявить информацию о религии и верованиях крестьян Русского Севера по данным топонимии; 2) определить специфику топонимической версии репрезентации мировоззренческого фонда народной религии; 3) охарактеризовать концепцию ирреального пространства в русской топонимии» [2010, с. 9].

В фокусе настоящего исследования — сакральная топонимия коми-зырян. Сведения о ней можно почерпнуть из топонимических словарей, а также из ряда работ, посвященных духовной культуре коми и коми географическим названиям. Едва ли не единственной на данный момент работой, специально посвященной сакральной топонимии коми, является статья А.Г. Мусанова [2002]. Автор предлагает систематизацию рассматриваемых названий по четырем группам: связанные с обрядностью; отражающие религиозные верования; связанные с календарной обрядностью; отражающие легенды и предания [2002, с. 165–166].

Настоящая работа ставит своей задачей продолжить начатое А.Г. Мусановым исследование сакральной топонимии коми, расширив по возможности охват материала. Также будет применен иной способ группировки материала: по топонимическим апелляциям. Некоторые из них будут представлены в виде рядов апеллятивов, близких по смыслу. Затем отдельно будет рассмотрен ряд единичных топонимов. Отметим, что, вслед за Е.Л. Березович, считаем актуальным понятие «народная религия» [2010, с. 12–13] для характеристики мировоззрения, отраженного в сакральной топонимии. Проблема разделения в ней языческих и христианских черт остается за пределами данного исследования. Так же как и Е.Л. Березович, нам представляется правильным исключить из исследования топонимы, производные от наименований культовых

объектов (речь идет о названиях сел по расположенным в них церквям: Богородск и др.), «поскольку они не содержат прямой связи с именами персонажей народной религии» [Там же, с. 13].

Выявление своеобразия сакральной топонимии коми и ее общих черт с ономастикой других этнических групп требует сопоставления с материалом соседних и родственных народов. С этой целью были привлечены работы по сакральной топонимии вепсов [Муллонен, 1993], карел [Мамонтова, 1991], манси [Власова, 1980; Слинкина, 2011], русских Севера [Березович, 2010], удмуртов [Кириллова, 1992], ханты [Дмитриева, 2005; Тяботов, 1991] и общеуральский топонимический словарь [Матвеев, 2008]. Также привлечен южно-уральский башкирский материал [Камалов, 1994]. Необходимо учесть и тот факт, что на территории Республики Коми широко представлены ненецкие, прибалтийско-финские и русские географические названия, что связано с пестротой этнической картины и насыщенностью этнической истории региона. Разноэтничный характер свойственен и сакральной топонимии, что также будет отражено в настоящей работе.

Основным источником материала исследования послужили топонимические словари. Также был задействован электронный каталог Государственного водного реестра РФ [ГВР]. Часть данных была получена посредством введения в поисковую систему ГВР рассматриваемых апеллятивов. Особым источником являются перечни и описания археологических памятников, нередко содержащие информацию об окрестной микротопонимии. Интерес для нашей темы представляет тот факт, что с древними городищами и могильниками часто связаны мистические представления местных жителей: предания о чуди, обычаи поминовения предков и рассказы об обитании нечистой силы. Подробнее данный аспект сакральной топонимии будет рассмотрен далее. В качестве источников информации об археологических памятниках были использованы Список археологических памятников Коми АССР (на 1961 г.) [Атлас Коми АССР, 1964, с. 107] и Аннотированный список археологических памятников Коми АССР (1984 г.) [АК Коми АССР, 1984, с. 42–113]. Также в работе использовались полевые материалы автора, собранные в рамках Северо-русской этнографической экспедиции МГУ в июле — августе 2010 г.

Балбан. Коми бџлбан (на картах: балбан, болван) — заимствованное из русского языка обозначение языческого идола: *Болбанская*, р., *Болбан-ель*, р. — «ручей идолов» [ГВР], *Балбанью* (*Бџлбанью*), р. — «река идолов» [Афанасьев, 1996, с. 26; Туркин, 1986, с. 10], *Ичџт Бџлванаиз*, гора — «малая гора идолов», *Ичџт* и *Ыдждьд Бџлбанты*, оз. — «малое и большое озера идолов» — озера, через которые протекает р. *Балбанью* [Туркин, 1986, с. 11]. Также известны названия оз. *Балбанты*, руч. *Балбаншор*, р. *Балбанью* (приток р. *Хулга*) и двуязычное р. *Пупую* (от манс. *пупыг* — «идол» и коми *ю* — «река») на территории Ханты-Мансийского АО [Квашнин, 2011, с. 158]. Впрочем, истоки обеих рек с названием *Балбанью* находятся в относительной близости друг к другу (около 45 км), по разные стороны водораздельного хребта.

Происхождение названия хребта *Ичџт Бџлванаиз*, имеющего идентичное мансийское название *Мџнь-пупыг-нер* («малая гора идолов»), связано с особенностями рельефа. А.К. Матвеев приводит мансийские предания об окаменевших «великанах-самоедах», образовавших данную горную систему [2008, с. 46]. А.П. Афанасьев высказал версию, по которой и *Болбанью* получила свое название потому, что «на этой реке прибрежные скалы напоминают *истуканов*» [1996, с. 26]. Согласно другим версиям, данный и аналогичные топонимы связаны с расположением у этих рек и озер ненецких или обско-угорских языческих святилищ с идолами [Афанасьев, 1996, с. 26; Квашнин, 2011, с. 158; Туркин, 1986, с. 10]. Эти версии не являются строго противоречащими друг другу, поскольку выдающиеся формы ландшафта нередко оказываются связаны с религиозным почитанием. Весьма показательно, что названия от термина *бџлбан* в Березовском р-не ХМАО присутствуют компактно на сравнительно небольшой территории. Названия озера, реки и ручья также имеют эквиваленты у манси с формантом *ялпынг* — «святой» [Слинкина, 2011, с. 35]. Данная территория имеет у манси также название *Пирлахтын ма* — «святылище» [Там же]. Таким образом, здесь коми *бџлбан* выступает в роли топонимического маркера для целого природного сакрального комплекса. Известен также ненецкий топонимический эквивалент одной из рек *Балбанью* — *Хэяха* («река идолов») [Матвеев, 2008, с. 29].

Апеллятив *балбан* имеет параллели в русской топонимии (см.: бол. *Идолово* [Березович, 2010, с. 17], д. *Болваньково* в Московской обл. [Поспелов, 2007, с. 157–158], два урочища с названием *Болвановка* в Москве [Шилов, 2006, с. 52], а также мыс *Болванский* в Ненецком АО). У прибалтийско-финских народов указание на языческие культовые места может передаваться «элементом *hiz* (основа *-hide*) <...> с широким спектром значений (от «черт, леший» до «языче-

ское святилище, священная роща»)» [Муллонен, 1993, с. 11]. Удмуртские понятия, связанные с языческой культовой деятельностью, не отождествляются с разгулом нечистой силы, чертей и тому подобными «негативными» явлениями, в отличие от народов, в большей степени подвергшихся христианизации. В удмуртском топонимиконе святилища обозначаются апеллятивом *куа*: *Буззын куа* — «общеродовое святилище», а места проведения языческих молений — *вӧс*: *Бусывӧс* — «место моления в поле», *Дэмэньвӧс* — «место коллективного моления» [Кириллова, 1992, с. 136].

Схожим по смыслу является апеллятив *поганый*, достаточно широко распространенный на Русском Севере в значении «связанный с нечистой силой» и «языческий, связанный с языческой культовой деятельностью» [Березович, 2010, с. 26, 28]: г. *Поганая Горка*, р. *Поганца* и т.д. [Там же]. В Республике Коми апеллятив представлен в названии мыса *Поганый Нос* на р. *Печоре* напротив устья р. *Ижмы*. Здесь были обнаружены средневековые железные орудия и «серебряное изображение» [Атлас Коми АССР, 1964, с. 107]. Наличие следов пребывания древнего населения могло повлиять на сложение корпуса местных преданий, обусловивших название данного мыса, как это произошло с *Бесовым Носом* в Карелии, получившим свое название по расположенным на нем неолитическим петроглифам.

Вежа. Коми вежа — «святой»: *Вежавад*, оз. — «святое озеро», *Вежавож*, р. — «святой приток», *Вежай*, р. — вероятно, искаженное *Вежаю* (см.), «святая река», *Вежайка*, р. — приток р. *Вежай*, в названии русский уменьшительный суффикс *-ка*, *Вежаю*, р. (*Вежа ю*, *Вежа-Ю*) — «святая река» [Афанасьев, 1996, с. 38], *Веждин*, ур. — «у святого (места)», *Вежшор*, руч. — «святой ручей» [Мусанов, 2007, с. 25]. Также известна д. *Веждин* (*Веждино*), ныне вошедшая в Эжвинский район Сыктывкара. А.П. Афанасьев приводит названия *Вежкуръя* и *Вежью*, этимологизируя их от коми веж — «зеленый», т.е. «зеленый залив» и «зеленая река» [1996, с. 38]. Однако и здесь вероятно происхождение от коми вежа — «святой» (ср. выше *Веждин*, *Вежшор*). Заслуживает упоминания и ойконим *Вежакары* на территории Ханты-Мансийского АО: «Название Вежакары «Священный городок» является прямым переводом на язык коми обско-угорских названий этого селения (хант. *Ем вош* и манс. *Ялп ус*)» [Квашнин, 2011, с. 154]. *Вежакары* упоминает и А.К. Матвеев [2008, с. 55–56]. Также важен факт, что на территории Республики Коми протекает минимум пять рек с названием *Вежаю* (притоки рек *Вымь*, *Вычегда*, *Лымва*, *Касьян-Кедва*, *Коин*) и две *Вежа-Ю* (притоки рек *Ева*, *Мезень*) [ГВР]. Рассматриваемый апеллятив встречается и у коми-пермяков, например *Вежаты*, оз. — «святое озеро» (Пермский край), две реки с названием *Вижай* (ср. *Вежай* выше) в Пермском крае и Свердловской обл. [Матвеев, 2008, с. 58].

На территории Республики Коми известно еще два топонима, которые, возможно, были образованы от понятия «святой». Их возводят к иноэтничному топонимическому субстрату. Это р. *Емва* (рус. *Вымь*): «Коми *Емва* результат переосмысления хант. ойконима *Емвош* из *емынг вош* “священный город”, где *емынг* “святой, священный”, *вош* “город”. По преданию, близ устья р. *Вымь* стояла *священная береза со святилищем* язычников. По-видимому, именно это место носило имя *Емвош*» [Афанасьев, 1996, с. 51–52]; «Мы склонны считать, что гидроним *Вымь* — *Емва* обско-угорского происхождения: хант. *емынг* “святой, священный” <...> Хантыйский ойконим *Ем-вош* имеет параллельное коми название *Вежакар* “священный город”...» [Туркин, 1986, с. 21–22]. В гидрониме *Емва* можно также предположить сочетание субстратной (хантыйской?) топоосновы с распространенным речным коми формантом *-ва* («вода»). Тогда, если основу *ем-* этимологизировать от хантыйского *ем* — «запрет», «табу» [Матвеев, 2008, с. 86] или *емынг* — «святой», то гидроним может означать «святая (запретная) река». Второй гидроним этой группы — р. *Пысса* (*Пыисью*): от саам. *пысса*, *поис*, *пыис* — «святой, священный», коми *ю* — «река» [Афанасьев, 1996, с. 129; Туркин, 1986, с. 97]. Впрочем, А.П. Афанасьев выдвигает и альтернативную этимологию: «более древняя форма написания гидронима (Пыса, XVII в.) дает повод для поисков его смыслового значения в коми языке, ср. *пыс* “отверстие”, “игольное ушко”. Возможно, *Пыс ю* осмысливается как “узкая река” или “узкий проход” на водно-волоковом пути из бассейна Вашки в бассейн Мезени» [1996, с. 129]. Однако если бы название относилось к географическим свойствам объекта, можно предполагать, что оно не было бы единичным в коми топонимии.

Апеллятив *вежа* («святой») встречается чаще прочих в сакральной топонимии коми. Из охваченного материала большая часть топонимов с основой *вежа* (12 из 14 по Республике Коми) относится к названиям водных объектов. Частотность и тяготение к воде «святых» топонимов находят параллели в северно-русской топонимической системе: «*Святые* названия являются

одними из наиболее частотных обозначений локусов, связанных с религией и верованиями (по распространенности они уступают только *чертовым* топонимам); <...> Объектная соотнесенность этих названий обнаруживает четкие закономерности: 75 % от общего числа наименований (130 топонимов) приходится на долю обозначений гидрообъектов...» [Березович, 2010, с. 30, 31]. При этом если в корпусе названий, собранных Е.Л. Березович, преобладают непроточные водоемы: озера [Там же], то на материале коми явно выделяются реки и ручьи (11 из 14). «Проточность» включена Е.Л. Березович (со ссылками на наблюдения других исследователей) в число сущностных характеристик «святых» гидрообъектов. С проточной водой связаны представления русских о живой воде, жизненной силе, избавлении от невзгод [Там же, с. 37].

Термины, которые с некоторыми оговорками можно перевести как понятия «святой», «священный», широко распространены в топонимии финно-угорских (и шире: уральских) народов. У вепсов: *Pyhäjarv* («святое озеро»), *Pyhäoja* («святая река») [Муллонен, 1993, с. 8]; у карел: *Pyhädarvi* («святое озеро»), *Pyhäjoki* («святая река») [Мамонтова, 1991, с. 105]; у манси: *Ялпинг-нер* («священный горный хребет») [Слинкина, 2011, с. 34–41], *Йальпэнг-йа* («священная речка»), *Эльпен-тур* («священное озеро») [Власова, 1980, с. 59; Матвеев, 2008, с. 29, 31]; у ненцев: *Хэбидя я* (название о. Вайгач, «святая земля») [Матвеев, 2008, с. 53]; у ханты: *Емьеган* («святая река») [Там же, с. 86], *Емынглор* («святое озеро»), *Емынпухыр* («святой остров») [Тяботов, 1991, с. 114]. Помимо русских и финно-угров, данный апеллятив встречается и у башкир: *әулиә* — «святой» (также наиболее частотен в употреблении среди сакральных топонимов) [Камалов, 1994, с. 149]. Расшифровка приводимых понятий у некоторых народов указывает на явление амбивалентности сакрального, когда понятие «святой» может иметь не только «положительный» сакральный смысл, но и ассоциироваться со страшным, опасным, нечистым. Так, у манси *ялпинг* — «святой», «священный», «запретный», «недозволенный», «опасный» [Слинкина, 2011, с. 35]. У ханты *емынг* — «святой», «грешный», «страшный» [Тяботов, 1991, с. 114]. Схожий «амбивалентный» сюжет отражен и в удмуртской топонимии, например: оз. *Кылчинты*, где *кылчин* — ангел, нечистая сила» [Кириллова, 1992, с. 135]. На проявляющуюся время от времени соотнесенность «святых» топонимов с «негативным» полюсом сакральности на Русском Севере у местного русского населения указывала и Е.Л. Березович [2010, с. 38–40].

Ен. Ен — имя главного бога коми пантеона, одного из двух братьев-демиургов. После крещения коми стали называть христианского бога Еном. В качестве топонимического апеллятива «Ен» встречается в названии двух рек: *Енва* и *Енью* [Афанасьев, 1996, с. 60]. Оба названия можно перевести как «божья река», «святая река» или «река Ена». А.И. Туркин выдвинул версию этимологии названия *Енва* от «коми *ен* “сильный, крепкий”», трактуя название как «сильная река», река с быстрым течением [1986, с. 33]. Все же более вероятной выглядит «божественная» версия этимологии и звучание названия именно как *Енва*, а не *Ена*.

Имя верховного божества, демиурга встречается в топонимии и других финно-угорских народов: карел. *Уккозеро*, *Укк-ручей* (возможно, от верховного бога карел Укко) [Мамонтова, 1991, с. 108]; манс. *Торэм-кан-воль* («плес божественного места») [Власова, 1980, с. 62]; хант. *Тромьеган*, р. и *Туромлор*, оз. [Тяботов, 1991, с. 122] — от имени верховного бога обских угров Нуми-Торума. Интересно, что у удмуртов (топонимический материал, собранный Л.Е. Кирилловой), культурно и исторически близких коми, имя верховного бога Инмара не встречается. На северо-русском материале прослеживается определенное распространение топонимов от апеллятива *бог*, но они лишь изредка относятся к гидрообъектам, причем речь идет о непроточных водоемах: 1 озеро и 2 болота [Березович, 2010, с. 16], тогда как на нашем материале оба названия — речные. Впрочем, нельзя исключать вероятность того, что более масштабное использование материала коми микротопонимии могло бы изменить данную картину, так как «божьи» топонимы, собранные Е.Л. Березович, относятся именно к микротопонимии [Там же].

Куль (мор, събрт). Для обозначения черта, нечистой силы коми могут использовать слова *куль*, *мор*, *събрт*: *Морью*, р. — «чертова река» [Афанасьев, 1996, с. 107]; *Куль кар*, ур. — «чертово городище», *Събрт*, ур. — «урочище Черт» [Мусанов, 2002, с. 166]. Не все эти имена относятся исключительно к персонажам «низшей мифологии»: в коми-пермяцком пантеоне *Куль* является, наряду с небесным богом Еном (см. выше), одним из двух демиургов — распорядителем нижнего мира. В коми-зырянских верованиях ему соответствует Омоль, а иногда Леший, персонаж, заимствованный из русской мифологии [Айхенвальд и др., 1982, с. 171]. Известно название сопки *Леший Мыльк* — «холм лешего» [Афанасьев, 1996, с. 89]. Здесь, впрочем, судя

по именуемому объекту, леший скорее занимает место своего зырянского «аналога» лесного духа вёрса, а не одного из демиургов.

Заметна сравнительно малая распространенность «чертовых» топонимов в сопоставлении с соседними и родственными народами. У прибалтийско-финских народов нечисть в топонимии обозначается апеллятивом *hiz* (*hide-*) — «злой дух, леший, черт, дьявол, бес» [Мамонтова, 1991, с. 104], например: *Hizarv*, *Hizoja*, *Hidnem*, *Гижозеро*, *Ижлахта* — у вепсов [Муллонен, 1993, с. 11]; *Hiizjarvi*, *Гижезеро*, *Гижино*, *Гижनावолок*, *Чертова Лахта*, *Чертов Стул* — у карел [Мамонтова, 1991, с. 104]. У русских Севера апеллятивы *бес* и *черт* являются одними из наиболее популярных в сакральной топонимии [Березович, 2010, с. 47]: *Бесов Наволок*, *Бесова Гора*, *Чертов Мост*, *Чертов Мыс* и т. д. [Там же, с. 14, 48]. А.К. Матвеев пишет о многих урочищах с названием *Чертово городище* на Урале [2008, с. 311].

У народов, в меньшей степени испытавших христианизацию, в топонимии часто отражено имя «нижнего» демиурга: *Куль* у ханты — *Кульеган*, *Куляхэн*, *Куль-Вузан-Лор* [Тяботов, 1991, с. 115–116] и у манси — *Кульметнер*, *Куль-ур* [Слинкина, 2011, с. 105–107, 108–109]; Керемет у удмуртов — *Кэрэмэтгурээ*, *Кэрэмэтнур*, *Кэрэмэтошмэс* [Кириллова, 1992, с. 136] и у башкир — *Кирэмэт ауылы*, *Кирэмэт афаслыфы*, *Башкорт Кирэмэт тауы* [Камалов, 1994, с. 148]. Возможно, картина сравнительно редкого использования в коми топонимии названий, связанных с нечистой силой или божеством нижнего мира, может претерпеть значительные изменения при более масштабном привлечении микротопонимического материала.

В эту же смысловую категорию стоит поместить названия *Дьяволиз* — «гора дьявола» (рус. *дьявол*, коми *из* — «камень, гора») в Березовском р-не Ханты-Мансийского АО [Матвеев, 2008, с. 81], а также реку *Большая Шайтановка*, приток Печоры (от тюрк. *шайтан* — «черт») [Афанасьев, 1996, с. 30], по которой, по всей вероятности, названы близлежащие починок *Шайтановка* и деревня *Шайтановка*. Близ деревни расположено Канинское пещерное святилище, где культовая деятельность производилась на протяжении 2,5 тыс. лет — со второй половины II тыс. до н.э. по XIII в. н.э. [АК Коми АССР, 1984, с. 64]. Возможно, именно это «соседство» повлияло на появление топонима, поскольку места языческой культовой деятельности нередко переосмысливаются христианизированным населением как обиталища нечистой силы. В ареале проживания коми-пермяков также имеется река *Шайтановка* — приток Кувы в Кудымкарском р-не Пермского края. У соседей коми-зырян, ханты, известен почитаемый «языческий идол» — «*белогорский шайтан*» [Матвеев, 2008, с. 35]. Апеллятивы *дьявол* и *шайтан* встречаются и в северно-русской топонимии (являясь, впрочем, нераспространенными). В Архангельской области известны покос *Шайтаны* и порог *Шайтан* [Березович, 2010, с. 56]. Причем Е.Л. Березович считает неслучайной их территориальную близость к Республике Коми, где, по информации исследовательницы, образ шайтана активен в мифологическом обиходе [Там же]. Тем же автором упоминается и покос *Дьяволово* [Там же, с. 22]. По А.К. Матвееву, на Урале *шайтан* — продуктивная топооснова, от которой образованы названия ряда горных хребтов, рек и озер. По мнению автора, как правило, такие названия маркируют культовые места манси сквозь призму их восприятия местным тюркским и русским населением. В данном случае весьма показательны мансийские названия ряда «шайтанских» объектов — р. *Шайтанка/Иелпинг я* («святая река»), оз. *Шайтанское/Илпынг-то* («святое озеро»). Однако, по А.К. Матвееву, в ряде случаев такие названия могут маркировать собственно тюркские «нечистые места» [2008, с. 317–318].

Возможно, к топонимам, связанным с деятельностью нечистой силы следует отнести часть названий, образованных от коми апеллятива *лек* — «плохой, худой». А.И. Туркин выделяет у *лек* значение «левый» в географическом смысле: реки *Леккэм* и *Буркэм* в значении левый и правый *Кэм* [1986, с. 88]. А.П. Афанасьев характеризует *лек* как географический термин, означающий «малый, маловодный, непроходимый» [1996, с. 90]. Т.Н. Дмитриева зафиксировала в верхнем течении левого притока *Надыма* — реки с хантыйским названием *Лонгьеган* (или *нецким Хейгияха*) — «Река духа» приток *Лекью*, что на языке коми означает «Плохая река» [2005, с. 449]. Данные характеристики географического объекта в северно-русской топонимии часто связываются с деятельностью черта [Березович, 2010, с. 49]. Ср: ур. *Чертище* — «Худое место, чертовое...» [Там же, с. 48], *Худой мост* близ д. Чуласа на р. *Вашка*, овеванный рассказами о ломавшихся там телегах и служивший местом установки обережных крестов [ПМА: Опарина М.Ф.]. На угорском материале известна река *Атымья*. Один из вариантов расшифровки ее названия — «Плохая река», «Злая река» (от хант. *атым* — «плохой», «злой») [Матвеев, 2008, с. 22]. На Южном Урале заслуживает упоминания *Еманзелга* — башк. «плохая («злая», «серди-

тая») река» [Там же, с. 86]. В Республике Коми известны: реки *Лёк-Воркута*, *Лёк-Елец*, *Лёкью*, озеро *Лёкты* [Афанасьев, 1996, с. 90–91], гряда *Лёк-Из* в Печоро-Илычском заповеднике, ур. *Лёкчойди*, а также ручьи *Худой* и *Худой-Ель*. Утверждать, какие именно из этих названий можно зачислить в разряд сакральных, затруднительно.

Перна (крес, крест, креш). Коми перна — «крест, намогильный крест, нательный крест, обетный крест». Наряду с коми вариантом местные жители часто используют для именовании географических объектов и русский вариант: крест, а также искаженные варианты его произношения: крес, креш. А.Г. Мусанов приводит топонимы с данными апеллятивами: *Кресдин йёр*, ур. — «загон рядом с крестом (рядом с церковью)»; *Крес чой*, гора — «гора у церкви», *Креш шор*, руч. — «ручей у церкви», *Перна ёль*, руч. — «ручей с крестом» [2002, с. 165]. Также следует упомянуть: *Крестовка*, р. и д. — «возможно... (деревня) у перекрестка (р. Печоры)» [Афанасьев, 1996, с. 81], *Кресты*, ур. [Ермакова, Лискевич, 2011, с. 168] и *Пернашор*, руч. — «ручей с намогильным крестом» [Туркин, 1986, с. 88]. Известны еще как минимум три названия: р. *Перна*, руч. *Пернашор* (приток р. *Кывтан*) [ГВР] и р. *Перный-ю* [АК Коми АССР, 1984, с. 47].

Название реки *Крестовка*, по-видимому, дано не коми, а местным русским населением, издавна компактно проживающим в Усть-Цильме и окрестностях. Приведенные выше расшифровки названий, данные рядом авторов, связывающих их с церковью, перекрестком, а также намогильным или нательным крестом, требуют уточнения. На Русском Севере распространен обычай установки обетных крестов в случае тех или иных кризисных ситуаций в жизни человека. Обычай установки крестов, в том числе большими группами, распространен и у коми [Голубкова, 2009, с. 41; Терехин, 1993, с. 206–207]. Обетные кресты нередко маркируются соответствующими топонимами. На *Вашке* известны два *Крестовых ручья* (близ деревень Олема и Карашелье). Оба получили свои названия по расположенным на них крестовым группам [ПМА: Осипова Л.А.]. Географическая и культурная близость этой части Лешуконья к рассматриваемому нами региону позволяет провести определенные параллели. Название *Крестовый ручей* полностью соответствует коми вариантам *Перна ёль*, *Перна шор*, *Креш шор* (также ср. упомянутая выше р. *Крестовка*). Связь данных названий с обетными крестами, установленными на берегах водоемов, представляется более вероятной, чем указанные выше интерпретации. Что касается топонимов, связанных с церковью, то они маркируются апеллятивом *вичко* — «церковь»: *Вичкодор*, ур. [Мусанов, 2002, с. 166]. В качестве подтверждения нашего предположения может выступить название урочища *Кресты* близ коми-ижемского с. Мужы, данное именно по обетному кресту [Ермакова, Лискевич, 2011, с. 168–172]. «Крестовые» названия, как и «святые», нередко относятся к проточным водоемам (ручьям или небольшим речушкам). Большинство групп обетных крестов, исследованных нами на р. *Вашке*, располагались у небольших ручьев, вода из которых считается целебной [ПМА: Осипова Л.А.]. Таким образом, есть основания предполагать связь традиции установки обетных крестов с обычаями «водопочитания».

«Крестовые» названия, связанные со схожими религиозными явлениями, известны и у других финно-угорских народов, например у карел: *Ristupetajat* — «крестовые сосны», *Ristanmagi* — «крестовая гора» (ср. *Крес чой*) и др. [Мамонтова, 1991, с. 107–108]. У русских также известен ныне нежилой поселок *Крестная* в Мезенском р-не Архангельской обл., получивший название по расположенным здесь поклонным крестам [Окладников, 2012, с. 246]. Ныне о данном сакральном локусе напоминают топонимы изба *Крестная* и болото *Крестовое* [Архангельская обл., 2006, с. 7].

Чудь. С чудью связан обширный корпус преданий и верований, распространенных во всем северном регионе. Образ чуди сочетает в себе представления о «колдовском народе» с воспоминаниями о древних насельниках северных краев. По мнению Л.П. Лашука, само понятие чуди было заимствовано коми от русских, однако их отношение к чуди имеет особенности. Так, если у русских в ходу предания о вооруженной борьбе с чудью, то у коми не ощущается столь враждебного отношения, а легендарные святые места чуди заслуживают почитания [Лашук, 1972, с. 10]. Известны две реки с названием *Чудью* — «река чуди» — притоки рек *Тимшера* и *Ухты* [Афанасьев, 1996, с. 157, 158], а также оз. *Чуддинты* — «озеро в месте, прилегающем к реке *Чудью*» близ первой из рек (*Чудью* — приток *Тимшера*).

В связи с «чудской» проблематикой заслуживает внимания и апеллятив *кар* — «город, городище»: *Важкар*, ур. — «старое городище» [АК Коми АССР, 1984, с. 55], *Карашор*, руч. — «ручей городища» [АК Коми АССР, с. 56], *Карвуджём*, д. — «деревня, расположенная по обе стороны от городища» [Афанасьев, 1996, с. 71], *Каргорт*, д. — «деревня на городище» [Там же], *Кардор*, ур. — «у городища» [АК Коми АССР, с. 55], *Карувшор*, руч. — «нижний ручей городища»

[там же], *Карыбйыв*, д. — «вершина возвышенности с городищем» [Туркин, 1986, с. 43], *Каръяг*, ур. — «бор городища» [Атлас Коми АССР, 1964, с. 107].

Сам по себе апеллятив *кар* к сакральным не относится, однако часто маркирует местоположение старинных городищ, с которыми у местного населения нередко связаны предания и былички. У коми-пермяков известна традиция почитания «древнего народа» (*важ отыр*), или чуди. Обряды производились на «древних местах» (*важ местаэз*) [Грибова, 1964, с. 1], где, по мнению Л.С. Грибовой, в древности располагались языческие святилища [там же, с. 3]. Исследователь также отмечает, что «чудские городища» почитанием не пользуются, однако овеяны множеством местных преданий. Таково, например, городище Курэг-Кар в Кочевском р-не Пермского края [там же, с. 3, 4–5]. О верованиях, связанных с древними городищами у населения Слободского р-на Кировской обл. (в культуре местных жителей заметно влияние удмуртского этнического субстрата) пишет Н.И. Шутова: «...для окрестных жителей городище (Подчуршинское городище. — прим. Д. П.) служило своеобразной сакральной ценностью. С ним связаны многочисленные легенды и предания о богатырях, которые будто бы насыпали его, основали его, жили на нем, зарыли там заветный клад. <...> В XIX в. местные крестьяне боялись ходить по городищу, считая его заветным, заколдованным. На городище стояла часовня. Прежде к этому месту посылали пробежаться в гору ребятишек, чтобы скорее росли» [Шутова и др., 2009, с. 19]. На коми-зырянском материале известна легенда, что д. *Карыбйыв* находится на месте «чудского городища» [Туркин, 1986, с. 43].

Тесно переплетаются с легендами о чуди и народные представления о нечистой силе, отразившиеся в названии урочища *Куль кар* (см. выше) — «чертово городище». Данное название уместно сравнить с московским *Проклятым местом* — городищем железного века [Шилов, 2006, с. 57]. На Русском Севере также наблюдается связь топонимов-меморативов, присвоенных местам древних поселений, с представлениями о чертях и чуди: «Мотив городища, остатков поселения связывает образ черта с образом мифических древних обитателей изучаемой территории — чуди, в структуре которого этот мотив оказывается магистральным. Симптоматично указание одного из вышеприведенных контекстов: “Там какие-то чуди шли, чертяки”» [Березович, 2010, с. 53]. Также топонимия городищ может быть связана с апеллятивом *поганый*, что, согласно Е.Л. Березович, может указывать на связь с «объектами культовой языческой деятельности», что выражается в существовании «коррелятивных пар» топонимов: р. *Поганца* — д. *Городецк*; овраг *Поганый Лог* — гора *Городище* (обе — Архангельская обл.) и т.д. [там же, с. 28] (ср. выше мыс *Поганый нос*). Вероятно, у коми мы можем наблюдать схожие тенденции.

Шойна (кладбишö). Коми шойна — «могила, кладбище», этим словом также называют старинные могильники. Кладбище — основное место, связанное с культом предков. А.Г. Мусанов приводит три названия, связанных с кладбищами: *Кладбишшö чой*, гора — «кладбище на горе», *Оградасай вör*, ур. — «лес за оградой (кладбища)», *Шойна яг*, ур. — «сосновый бор с могилами» (Прилузский р-н) [2002, с. 165]. Известны также оз. *Шойнаты*, получившее название по соседнему бору *Шойна яг* [Туркин, 1986, с. 108] в Корткеросском р-не и ур. *Шойна яг* в Сыктывдинском р-не.

Поверья, обычаи и обряды, связанные с захоронениями предков, а также чужими и древними могилами можно отнести к культурным явлениям общечеловеческого характера. В Кочевском районе Пермского края известно культовое место *Важ Шойна* — «старый могильник», почитавшийся и за пределами прилегающих к нему территорий, и южными и северными коми-пермяками. [Грибова, 1964, с. 4, 5]. Здесь будет уместно вспомнить, что с оз. *Шойнаты* связана быличка о проживавшей там чуди и кровавой битве с ее участием [Туркин, 1986, с. 108]. Коми-ижемское происхождение, по всей вероятности, имеет название поселка *Шойна* в Ненецком АО.

В Республике Коми известны и названия ненецкого происхождения, связанные с культом мертвых. Данная группа названий имеет топооснову от нен. *хальмер* — «покойник», и топоформанты коми происхождения: *Хальмервож*, *Хальмерьель*, *Хальмершор*, *Хальмер-Ю* — обозначают коми географические термины, характеризующие небольшие реки и ручьи [Туркин, 1986, с. 125]. По мнению А.И. Туркина, такое положение вещей связано с размещением ненецких кладбищ на водораздельных возвышенностях [там же]. Отметим также названия горы *Хальмерсале* — «кладбищенский мыс» и берущей на нем исток р. *Хальмерья* [там же]. А.И. Туркин, приводя расшифровки названий, сближает слово «покойник, мертвец» с понятием «кладбище»: «кладбищенский приток», «кладбищенская речка» и т.п. Т.Д. Слинкина также приводит для *хальмер* значения «покойник; место захоронения», расшифровывая *Хальмер-Ю* как «Река с захоронением» [2011,

с. 45] У А.П. Афанасьева присутствуют наряду с этими варианты «река мертвых», «ручей мертвых» [1996, с. 152]. Можно предположить, что в ряде случаев подобные названия могут быть связаны не с захоронениями, а с представлениями о являющихся живым душах покойников, покинувших место смерти или захоронения. Представления о возможности явления мертвецов в мир живых широко известны в рассматриваемом регионе.

Почитание мест захоронений отразилось и в топонимии и обрядности удмуртов: «Сведения о местоположении удмуртских языческих могильников (*шай*) XVI — начала XIX в. и их почитание как мест захоронения предков были распространены как у северных, так и у южных удмуртов. Даже после прекращения захоронений отношение к таким кладбищам как сакральным объектам сохранялось вплоть до середины XX в.» [Шутова и др., 2009, с. 25]. У вепсов известны урочища с названием *Panad* от *panda* (*maha*) — «хоронить» [Муллонен, 1993, с. 10]. Также к «покойницкой» тематике может относиться часть приведенных выше вепсских и карельских названий от *hiz* (*hide*) и *hiisi* соответственно, поскольку одним из значений этих полисемантических терминов является «кладбище» [Мамонтова, 1991, с. 105].

Несколько особняком от рассмотренных выше групп названий стоит топоним *Шудаяг* — «счастливый бор» [Афанасьев, 1996, с. 159]. Название, возможно, связано с определенными свойствами, приписываемыми роце (ср. выше *Худой мост*, *Худой ручей* и т.д.). Также следует упомянуть р. *Парнокаю*, чье название этимологизируют как «ведьмина река» [Там же, с. 121]. Конкретная мотивировка данного названия автору настоящей работы неизвестна, однако связь ее с религиозными верованиями (в случае, если расшифровка верна) несомненна. Подобный гидроним не единичен на финно-угорском материале (ср. р. *Нойда* на Кольском п-ве [ГВР], от саам. *нойд* — шаман, колдун).

Рассмотрим также название р. *Вёрыква* в Княжпогостском р-не Республики Коми. А.П. Афанасьев приводит следующий вариант этимологии топонима: рус. диалектное «ворок, ворак “ограда”, “хлев”, “рыболовный садок”, коми *вёрык*, *вёрёк* “овин”, *ва* “река”, “вода”. Гибридное рус.-коми *Вёрыква* “река — рыболовный садок”, “река, обильная рыбой» [1996, с. 49]. Однако *Вёрыква* в коми мифологии фигурирует как своеобразная участница пантеона. Причем сущность ее, ввиду скудости данных, не вполне ясна. К.Ф. Жаков пишет о ней: «Жители по реке Выми рассказывают, что они и теперь, когда приезжают на реку или на озеро для рыбной ловли, намазывают кусок хлеба маслом и бросают его в воду со словами: Вёрык-ва матушка, носи нас здоровыми, смотри за нами, храни нас и дай нам много рыб, добычу на целую лодку» [1901]. По мнению К.Ф. Жакова, здесь отразился обычай жертвоприношения самой воде, а не водяному, а имя может расшифровываться как «лесная вода» (коми *вёрысь* — «из лесу») [Там же]. П.Ф. Лимеров также приводит рассказ о жертвоприношении «Лесу-воде» (*Вёр валы*), предполагая, что это имя могло относиться к Богине Матери, чей образ размылся и почти исчез из коми фольклора [2009, с. 192]. Вероятно, именно этот персонаж коми мифологии дал имя реке в Княжпогостском районе.

Переходя к выводам исследования, стоит отметить, что сакральная топонимия коми наглядно иллюстрирует широкую распространенность и важность представлений о «святой» воде. Данный аспект народной религии коми имеет множество параллелей у соседних и родственных народов. Особенностью коми является тяготение «святых» названий к проточным водоемам. Достаточно широко отражен в топонимии культ обетных крестов, до сих пор занимающий заметное место в быту не только коми, но и прочих сельских жителей Русского Севера. Коми топонимия запечатлела таких мифологических персонажей, как Ен, Вёрыква, чудь и куль (черт, бес, нечисть). При этом можно отметить разительно меньшее, чем у многих соседних народов, количество названий, связанных с «нечистой» силой. Эта картина может измениться в результате более масштабного привлечения в будущих исследованиях микротопонимического материала. Напротив, народные представления о святости выражены в топонимии достаточно заметно. Однако, интерпретируя собранный материал, необходимо учитывать «амбивалентность сакрального» (подробнее см. выше), нередко присущую народному взгляду на святые объекты. Нашел заметное отражение в географических названиях от слов «могильник», «кладбище» и «покойник» культ мертвых местного коми и ненецкого населения, что также характерно для северного региона в целом. Кроме того, топонимия несет в себе народную память о старых и/или иноэтничных языческих культовых местах. В свете вышесказанного не будет преувеличением утверждать, что сакральная топонимия является полноправным источником информации о духовной культуре народа коми и его соседей и что, в свою очередь, в исследованиях по то-

Сакральная топонимия Республики Коми и ее параллели в географических названиях...

понимии Республики Коми (как это особенно наглядно видно на примере р. *Вёрыква*) должны приниматься во внимание верования местного населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- АК Коми АССР — Аннотированный список археологических памятников Коми АССР // Археологическая карта Коми АССР. М.: Наука, 1984. 127 с.
- Архангельская обл. — Архангельская область/Ненецкий автономный округ. Общегеографический атлас. Карта масштаба 1 : 500 000. М.: ФГУП «439 ЦЭВФ» МО РФ, 2006.
- Атлас Коми АССР — Список археологических памятников Коми АССР (на 1961 год) // Атлас Коми Автономной Советской Социалистической республики / Глав. упр. геодезии и картографии. М., 1964.
- Афанасьев А.П. Топонимия Республики Коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. 207 с.
- ГВР — Государственный водный реестр РФ [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://textual.ru/gvr/>.
- Матвеев А.К. Географические названия Урала: Топонимический словарь. Екатеринбург: Сократ, 2008. 352 с.
- Мусанов А.Г. Словарь географических названий Прилузья. Сыктывкар: ГУ Редакция журнала «Арт», 2007. 104 с.
- ПМА — По материалам автора. Дневник Северно-русской этнографической экспедиции МГУ лета 2010 г. Информанты: Опарина Мария Федоровна, 1938 г.р., д. Чуласа Лешуконского р-на Архангельской обл.; Осипова Людмила Александровна, 1927 г.р., д. Олема Лешуконского р-на Архангельской обл.
- Туркин А.И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. 144 с.

Литература

- Айхенвальд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А. К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования. 1981. М.: Наука, 1982. С. 162–192.
- Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. М.: КомКнига, 2010. 240 с.
- Власова Д.Д. Топонимы, отражающие религиозные представления кондинских манси // Вопр. ономастики: Собственные имена в системе языка. Свердловск: УрГУ, 1980. С. 57–63.
- Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 304 с.
- Грибова Л.С. Культ «древних» у коми-пермяков. М.: Наука, 1964. 9 с.
- Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. 508 с.
- Ермакова Е.Е., Лискевич Н.А. Сакральная география ижемцев Нижнего Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 168–176.
- Жаков К.Ф. Языческое мирозерцание зырян [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://foto11.com/коми/ethnography/>. Источник: Науч. обозрение. СПб., 1901. № 3. С. 68–84.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопр. этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976. С. 109–128.
- Иванова А.А., Калуцков В.Н., Фадеева Л.В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья. М.: ОГИ, 2009. 512 с.
- Камалов А.А. Башкирская топонимия. Уфа: Китап, 1994. 301 с.
- Квашнин Ю.Н. Коми топонимия на севере Западной Сибири: К вопросу о границах расселения коми-ижемцев // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 154–161.
- Кириллова Л.Е. Микротопонимия бассейна Валы: (В типологическом освещении). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 318 с.
- Лашук Л.П. Формирование народности коми. М.: Изд-во МГУ, 1972. 290 с.
- Лимеров П.Ф. Образ богини-матери в мифологии коми: К проблеме реконструкции // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 184–200. (Гуманитарные исследования; Вып. 2).
- Мамонтова Н.Н. Отражение религиозных представлений и древних верований в топонимии Карелии // Номинация в ономастике. Свердловск: Изд. УрГУ, 1991. С. 102–110.
- Муллонен И.И. О «святых» топонимах и некоторых следах древних верований в вепсской топонимии // Родные сердцу имена: (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 5–11.
- Мусанов А.Г. Отражение религиозных верований, легенд и преданий в коми топонимии // Коми-зырянская культура XX века и финно-угорский мир. Сыктывкар, 2002. С. 164–167.
- Окладников Н.А. Мезенские деревни: Исторические очерки. Архангельск: Правда Севера, 2012. 370 с.
- Поспелов Е.М. Географические названия Московской области: Топонимический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2007. 600, [8] с.

Д.Д. Петров

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994 (репринт изд. 1981 г.). 609 с.

Слинкина Т.Д. Мансийские топонимы Урала. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2011. 480 с.

Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера: Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры. Архангельск: Изд-во Помор. педуниверситета, 1993. 220 с.

Тяботов М.А. Об отражении в топонимии религиозных и мифологических представлений ханты // Номинация в ономастике. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. С. 111–125.

Шилов А.Л. Топонимические свидетельства языческого прошлого Москвы // Вопр. ономастики. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. № 3. С. 52–64.

Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона / Науч. ред. Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2009. 244 с.

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
buhr1@yandex.ru*

The article considers reflection of folk religion among residents of Komi Republic in a system of geographical names (natural objects, settlements, as well as places with left traces of ancient population). Subject to information sources being data of State Water Register of Russian Federation, toponymy glossaries, lists of archaeological sites, and field materials by the author. The obtained picture being correlated with sacral toponymy of neighbouring and kin peoples. Basing on the investigated material, the author draws conclusions on certain aspects of beliefs with Komi-Zyryans.

Komi Republic, Komi, toponymy, onomastics, holy places, folk religion, sacral geography.